

Есть радость в сумасшествии самом,
она лишь сумасшедшему известна.

Джон Драйден

1

Я так скажу: жизнь идиота — это вам не коробка шоколадных конфет. Со всех сторон смешки, придирки, гнустное отношение. Нынче говорят, что к людям с подобными недостатками следует относица терпимо, но вы уж поверьте: так бывает не всегда. Да ладно, я не жалуясь, поскольку в жизни у меня происходит не мало интересного.

Идиот я с рожденья. У меня Ай-Кью — около 70, а это уже как бы кленический случай. Вобще я, наверно, ближе к умственно отсталым или к не развитым даже, но лично мне на руку считать себя просто напросто слабо умным или типо того, но только не идиотом, потому как идиот, по общему мнению, это скорей даун — глазки в кучку, слюни пускает и сам с собой на людях играеца.

Не спорю, собразилровка у меня работает медленно, однако же я поумней буду, нежели чем многие думают, просто со стороны не видать, что у меня в голове делаеца. К примеру, я мозгами нормально шевелю, а когда мысли свои

хочу записать или в слух высказать, ничего толком не получаеца. Щас поесню.

Иду я как-то по улице, а сосед у себя во дворе копошица. Притаранил кусты на посадку и меня зовет: «Форрест, хочешь денъжат срубить?» Ну, я такой: «Угу», и он меня подпрягает всякое кало вывозить. Тачек десять набралось или двенацать даже, вот и вози за три-девять земель. С меня семь котов сошло, а он лезет в карман и протягивает мне доллар. Один. Я хотел было заспорить, что, мол, низкая очень плата, а сам взял у него этот триклятый доллар, выдал «благодарю» или типо того, по глупому, да и потопал дальше как идиот, то комкая, то расправляя эту бумашку.

Теперь вам понятней стало?

Я, между прочим, на идиотах собаку съел. Единственное, наверно, в чем я разбираюсь, потому как все книшки про них перечитал: к примеру, есть такой писатель, Доскаевский, у него описан идиот, у короля Лира был шут дурак, у Фолкнера тоже идиот выведен, Бенджи зовут, а уж Страшила Рэдди из «Убить пересмешника» — всем идиотам идиот. Но самый класный — это Ленни из книшки про людей и мышей. Писатели — они в корень зря: у них идиоты всегда умней, нежели чем кажуща. Черт, с этим не поспоришь. Это каждый дурак знает. Ха-ха.

При рожденье мама дала мне имя Форрест, в честь Генерала Натаниэля Бедфорда Форреста, героя войны Севера и Юга. Мама всегда го-

ворила, что мы с ним в родстве. А он якобы был великий человек, только зачем-то после войны организовал Куклус-клан. Даже бабушка моя заевляла, что в этом клане подлец на подлеце сидит и под лицом погоняет.

С этим не поспоришь, поскольку в нашем районе живет Великий Козлочей, или как он там себя именует, у него в городе оружейный магазин, а я однажды, когда мелкий еще был, лет 12, проходил мимо, заглянул в окно, а там здоровенная удавка с потолка свисает. Этот увидел, что я глазею, набросил себе на шею петлю и как бы самого себя вздернул: аж язык на бекрень, чтоб меня припугнуть. Ну, я деру дал, конечно, затаился на парковке и сидел за какими-то машинами, пока водители не вызвали полицейских, а уж те меня отвезли к маме. Вообще, про другие его подвиги не скажу, но только напрасно Генерал Форрест свой Куклус основал — это вам каждый дурак скажет. Короче, вот откуда взялось мое имя.

Мама у меня — прекрасный человек. Так все говорят. А папу моего убило, как я только родился, его я не знал даже. Работал он грузчиком в порту и однажды подъемный кран подцепил с палубы сухогруза компании «Юнайтед фрут» огромную клетку бананов, а у крана толи крюк сломался, толи что, и все бананы рухнули прямо на моего папу. Осталось от него только мокрое место. Потом при мне какие-то дядьки обсуждали тот несчастный случай: мол, жуткое дело — полтонны бананов человека под собой

похоронили. Сам-то я бананы не очень люблю, разве что банановый пудинг. Пальчики оближешь. Начальство «Юнайтед фрут» положило моей маме не большое пособие, и она еще комнаты здавала, так что мы не голодали. Когда я был маленький, она часто держала меня в четырех стенах, чтобы огородить от хулиганов. Летом, в самую жару, сажала меня в гостиной и задергивала шторы, чтоб там царил холодок и полумрак, а сама приносила мне в куфшине домашний лимонад. А потом сядет рядом и со мной беседует не о чем особенном, вроде как с котенком или со щеником, но я ничего, мне нравилось даже, потому как голос ее меня реально успокаивал, убоюкивал.

По началу, когда я только подрастал, она еще отпускала меня играть с ребятами, но потом узнала, как они на меня дразнятся, а один раз кто-то из мальчишек, которые мне проходу не давали, саданул меня палкой, да так, что на спине здоровенный рубец остался. После того случая мама сказала не играть с этими мальчишками. Тогда я попробовал задружица с девочками, но и они были не на много лучше, посколькo бросались от меня в рассыпную.

Мама отдала меня в среднюю школу, где я скорей мог бы стать как все, но, не много проучившись, моей маме пожаловались, что я довожу учителей до белого колена и мешаю другим ученикам. Хотя бы первый класс дали закончить, и на том спасибо.

Со мной ведь как бывало: сижу за партой, учительница объясняет новый матерьял, и вдруг уж не знаю что у меня в голове переключалось, но я начинал глазеть в окошко на птиц, на белок и всякую живность, которая акупировала старый дуб на школьном дворе, а учительница на меня ругалась. Бывало и еще того чище: почему-то вырывался у меня крик, и тогда меня выставляли из класса, чтоб я в коридоре на скамейке остыл. Другие ребята со мной не играли и вообще. Только гоняли меня, чтоб я орал им на потеху. Все, кроме Дженни Каррен — та хотя бы от меня не удирала, а изредко даже разрешала после уроков домой проводить.

А на следующий год перевели меня в крякционную школу — ну, доложу я вам, это было нечто. Можно подумать, кто-то спецом рыскал по городу и высматривал всяких чудиков, от моих ровестников до переростков лет 16-ти или 17-ти даже, чтоб собрать их в одном месте. Там и придурки были всех мастей, и припадочные, и такие, кто ни поесть сами не могли, ни до тубзика дойти без посторонней помощи. Я среди них, считай, самый умный был.

Один толстяк лет примерно 14-ти страдал какой-то трясучкой, как на электрический стул посаженный. Когда он просился выйти по маленькому, мисс Маргарет, учительница наша, поручала мне сопровождать его в тубзик, чтоб он там чего-нибудь не учудил. А он все равно за свое. Как его остановишь? Я, бывало, запрუსь

в кабинке и не высовываюсь, пока он не кончит, а потом веду его обратно в класс.

В той школе-дурке проучился я лет пять или шесть. На самом деле там и хорошего было не мало. Нам показывали, как рисовать прямо пальцами, как мастерить всякие подделки, но в основном упор был на полезные навыки: как шнурки завязывать, как за едой не свинячить, не бесица, не орать, грязью не бросаца.

Книжки там были не в ходу, зато нас приучили распознавать указатели и всякое такое, вбили нам в головы разницу между «М» и «Ж». А другого и ждать не приходилось, поскольку там были реальные придурки, что с них возьмешь? Кстате, нас для того, наверно, туда и согнали, чтоб мы людям глаза не мозолили. Никому не интересно, когда скопище дебилов под ногами путаецца. Даже я это понимал.

В 13 лет стало со мной творица что-то не понятное. Во-первых, я пошел в рост. За полгода вымахал на шесть дюймов, мама умаялась мне брюки выпускать. А в добавок меня разнесло в ширину. К 16-ти годам во мне уже было росту под два метра и весу чуть не сто кило. Я точно знаю, поскольку меня водили на взвешивание. И там сказали: это уму не постижимо.

Но заразительную перемену в моей жизни вызвали следующие события. Иду я однажды домой из этой школы-дурки, и вдруг рядом со мной машина тормозит. Водитель меня окликнул, спросил, как зовут. Ну, я ответил, тогда он спрашивает: где учишься и почему я типо

раньше тебя не видел? Пришлось рассказать ему на счет крякционной школы, а он возьми да и спроси: ты в американский футбол играешь? Я только головой помотал. Можно было, конечно, рассказать, что я видал, как другие ребята гоняют мяч, но меня в игру никогда не брали. Ну, как я уже говорил, долгие беседы — это не мое. Головой помотал, и ладно.

Было это недели через две после каникул. А еще через три дня или не много позже забрали меня из крякционной школы. За мной мама пришла, тот дядька на машине подъехал, а с ним еще двое, с виду амбалы самые настоящие, — видать, он их с собой прихватил на тот случай, если на меня что-нибудь накатит. Выгребли из моей парты все вещички, побросали в бумажный пакет и велели мне попрощаца с мисс Маргарет, а она вдруг в слезы и давай обнимаца. Потом велели сказать досвиданье всем остальным придуркам, и те стали пускать слюни, дергаца и по партам кулаками барабанить. Короче, только они меня и видели.

Мама устроилась рядом с дядькой-шофером, а я сзади, между двумя амбалами, как в кино показывают, когда полицейские везут злодея «в отдел». Только мы ни в какой отдел не поехали. А поехали в новую, недавно отстроенную школу. Там у себя в кабинете нас поджидал директор, я вошел с мамой и с шофером, а те амбалы в коридоре остались. Директор — седой старикан, галстук в пятнах, штаны на заду мешком висят, будто сам только что из дурки. Пус-

тился в обьеснения, вопросами сыпет, а я знай киваю. Им от меня одно требовалось: чтоб я в американский футбол играл. Это и дураку понятно.

А дядька-шофер, Феллерс его фамилия, оказался школьным тренером по футболу. В тот день я на уроки не пошел, вместо этого тренер Феллерс повел меня в раздевалку, где один амбал стал подбирать мне футбольную икипировку: щитки всякие, каркас, пласмасовый шлем суперский, с такой типо маской, чтоб физиономию не разбили. Только одна проблема возникла: все ихние бутцы оказались мне малы, так что пришлось в красовках остаца, а бутцы для меня по спец-заказу выписали.

С помощью двоих амбалов тренер Феллерс надел на меня полную омуницию, но мне тут же было велено все это снять и по новой одеца — и так раз десять или двацать даже, чтоб самому наловчица. И только одна штуковина мне никак не давалась: такая накладка на писюн, «ракушка» называеца — зачем она вообще нужна? Короче, стали они мне обьеснять, и один амбал другому говорит, типо «совсем кукку» — надеялся, не пойму, но я-то все понял, потому как ухо остро держу. Да нет, я без обид. Меня и похуже обзывали. Просто отметил для себя, вот и все.

Вскоре в раздевалку потянулись ребята — достают из шкафчиков спортивную форму, переодеваюца. Вышли мы во двор, тренер Фел-

лерс подозвал всех к себе, меня вывел в перед и прецтавил. Но на этом дело не кончилось, стал он дальше распинаца, только я не слушал, потому как совсем здрейфил — где это видано, чтоб меня расписывали перед целой толпой. Но потом ребята сами стали ко мне подходить, жать руку и говорить, что они типо рады, то, се. Тут тренер Феллерс как свиснет у меня над ухом — я чуть не обделался, а ребятам хоть бы что: запрыгали, разминку начали.

Вобщем, это долгая история, а если коротко — заделался я футболистом.

Тренер Феллерс и один его амбал мне поцказывали, что нужно делать, потому как играть я не умел. А там премудростей не мало: нужно блок ставить от противников, то, се, мне объясняли, что к чему, но вскоре парни вроде стали кривица, поскольку я не мог сразу всего упомянуть.

Затем по указке тренера перешли к обороне: поставили передо мной троих парней и велели мне сперва прорваца сквозь ихний заслон, а после схватить игрока, бегущего с мячом. Первое задание — легкотня, протаранил я эту троицу, да и все, а дальше неудовольство началось: видите ли, я игрока с мячом неправильно заграбастал. Отвели меня в сторону, к вековому дубу, и заставили раз 15 на него бросаца, а то и 20 даже, чтобы типо прием освоить. После этого было решено, что дуб меня кой-чему научил, снова пригнали ту троицу и парня с мячом, но на мою голову посыпалась ругань, потому как

мне, снеся не по децки блок, полагалось жестко напрыгнуть сверху на бегущего. Чего только я не наслушался, а после тренировок подошел к тренеру Феллерсу и говорю: так, мол, и так, на игрока с мячом напрыгивать отказываюсь — боюсь ему кости переломать. А тренер такой: успокойся, ничего не случится, он же в защитном снаряжении. Если честно, я не того боялся, что игрока покалечу, а чтоб меня и здесь травить не начали в случае чего. Короче, прошло не мало времени, прежде чем я пообвыкся.

Ко всему прочему, мне ведь и уроки пришлось посещать. В школе-дурке нас особо не загружали, а здесь-то все было по взрослому. Со временем этот вопрос решился — назначили мне индивидуальный порядок обучения: три урока сижу в классе само подготовки, занимаюсь своими делами, а еще на три урока приходит какая-то тетенька и учит меня читать. С глазу на глаз. Училка попалась добрая, красивая, у меня не раз и не два закрадывались на счет нее гнустные мысли. Мисс Хендерсон — вот как ее звали.

Любимый урок у меня был — обед, но это, наверно, не совсем урок даже. Когда я ходил в школу-дурку, мама давала мне с собой будь-теброт, печенюшку и кусочками нарезанный фрукт — только не банан, естественно. А в этой школе имелась столовая и там блюд 9 на выбор или 10 даже — у меня глаза разбегались, не зная, что взять. Видно, кто-то шепнул об этом

тренеру Феллерсу — вызывает он меня где-то через неделю и говорит: ты, мол, не робей, лопай от пуза, «все включено». Черт, кабы знать!

Прикиньте, кто явился ко мне во время самоподготовки: Дженни Каррен. Заходит на переменке и говорит, мол, я тебя помню с первого класса. А сама уже прямо девушка, волосы красивые, черные, ноги от ушей, личико симпатичное и, стесняюсь сказать, все при ней.

Мои футбольные успехи не слишком радовали тренера Феллерса. Ходил он с кислым видом, на ребят покрикивал. На меня, конечно, тоже. Мне общими силами создавали такие условия, чтоб я просто был на чеку и мешал противникам схватить нашего бегущего, но у меня плохо получалось, особенно когда мяч оказывался на средней линии. Да и захваты мои никак не устраивали тренера, и потому, честно сказать, он все чаще посылал меня обнимаца с дубом. К тому же я никак не мог в нужный момент оказаца там, где можно напрыгнуть сверху на парня с мячом. Что-то мне мешало.

Но в одночасье и это все изменилось. В столовке я теперь набирал себе гору еды и подсаживался к Дженни Каррен. Разговоров никаких не заводил, просто она, единственная из всех учеников, оказалась мне более-менее знакома, да и вообще приятно было рядышком с ней посидеть. Обычно Дженни в мою сторону не смотрела, болтала себе с другими ребятами. По началу-то я садился вместе с футболистами, но те в упор меня не видели. А Дженни Каррен

хотя бы не делала вид, что меня рядом нету. И вот проходит не много времени, и я начинаю замечать, что возле нее постоянно крутица один баклан, да еще прикалываеца: «Как поживает наш Тормоз?» и всякое такое. Неделю-другую я помалкивал, но потом не выдержал и говорю: «Я не тормоз». Этот вытаращился на меня да как заржет! Дженни Каррен велела ему умолкнуть, а он берет картонку молока и выливает мне на брюки, я от неожиданности испугался — и бежать.

Через пару дней подваливает ко мне все тот же баклан и грозица меня «достать». Весь день меня трясло со страху, а после обеда, на пути в спортзал, он меня подкараулил, да не один, а с бандой дружков, и как ткнет в плечо. Гадости всякие выкрикивает, обзывает дегенератом и по всякому, а потом как даст мне под дых. Не то чтобы очень больно, только я разревелся и пустился бежать, а сам слышу — за мной вся банда несеца. Ну, бегу я в спортзал, это за футбольным стадионом, и вдруг вижу — тренер Феллерс на трибуне сидит и с верху зырит.

Банду, что за мной гналась, как ветром с дула, а тренер Феллерс аж в лице изменился и велел мне срочно идти переодеваца. Прошло не много времени, заходит он в раздевалку, сует мне лист бумаги с тремя схеммами розыгрышей и говорит выучить их на зубок.

А на тренеровке разбил нас на две команды, построил в две шеренги — и вдруг квотербек бросает мне мяч, чтобы я, значит, бежал за пра-

вый конец линии к воротам. Другие за мной погнались, — ну, тут уж я припустил, и меня только тогда сбили с ног, когда семь человек навалилось или восемь даже. Тренер Феллерс, довольный как слон, аж запрыгал, завопил, стал каждого по спине хлопнуть. У нас и раньше забеги устраивались, чтобы все показали, на что способны, но когда за мной погоня, я еще больше ускоряюсь. Каждый дурак так делает, правда же?

Короче, популярность моя после того случая очень выросла, и парни из команды ко мне подобрались. Мы провели свою первую игру, и я так дрейфил, что поджилки тряслись, но мне бросали мяч — и я раза два или три забегал за линию ворот, после чего все полюбили меня как родного. Конечно, в этой школе жизнь моя текла совсем по другому. Мне даже понравилось бегать с мячом, только меня в основном направляли по боковым линиям, потому как я по прежнему не мог попасть, куда мне хотелось, — чтоб прямо по людям бежать, как делают в середине. Один из амбалов высказался в том смысле, что я самый левый полузащитник во всем школьном американском футболе. Чудица мне в этом какая-то подколка.

Короче, с мисс Хендерсон я основательно продвинулся в чтении. Она мне дала Тома Сое-ра и еще две книшки, названий щас не вспомню, я их унес домой и все перечитал, а потом она — бац — контрошу мне дает, и там, конеч-